

УДК 94 (47)

**«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» И ЯЗЫЧЕСКИЕ КНЯЗЬЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ**

© 2021 А.С. Фогель

Самарский государственный экономический университет

Статья поступила в редакцию 14.02.2021

Данная работа посвящена исследованию особенностей отображения рода Рюриковичей в начальном летописании. Основное внимание уделено различным аспектам «Повести временных лет» как основного исторического источника периода IX-X вв. и позиции ее автора. Проблема отображения рода Рюриковичей в историческом источнике рассмотрена на основе современных достижений отечественной науки.

Ключевые слова: Древняя Русь, Рюриковичи, князья, династия, «Повесть временных лет», государственность, летописание, фольклор, язычество, христианство, средневековый менталитет, легитимация.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-1-5-10

«Повесть временных лет» является одним из самых значимых источников по начальной истории Древней Руси, и история правящего рода князей Рюриковичей – одна из основных тем произведения.

Это первая известная нам развернутая концепция истории всей Руси. И в этом смысле, несомненно, представляет собой яркое проявление средневекового мышления¹, что придает произведению целый ряд особенностей.

Первой и, пожалуй, самой значимой из них является время написания – она была создана в начале XII в., то есть от интересующего нас периода от Рюрика до Владимира Святославича (IX-X вв.) ее отделяет довольно временной значительный интервал. По гипотезе А.А. Шахматова, ПВЛ первой редакции составлена в 1112 г. печерским монахом Нестором. Труд Нестора был переработан (или только переписан?) в 1116 г. игуменом Сильвестром (2-я редакция, сохранившаяся в Лаврентьевской и близких

к ней летописях), а затем в 1118 г. лицом, близким к князю Мстиславу Владимировичу (3-я редакция, отразившаяся в Ипатьевской летописи). А.А. Шахматов предположил также, что ПВЛ предшествовала другая летопись, так называемый Начальный свод, составленный в 1093-1095 гг. игуменом Киево-Печерского монастыря Иоанном. В настоящее время наиболее достоверной выглядит гипотеза о существовании Киево-Печерского Начального свода конца XI в. и ПВЛ в единственной редакции 1116 г., созданной игуменом Михайловского Выдубицкого монастыря Сильвестром². И в этот «долетописный» период информация о событиях древнерусской истории существует в виде фольклорных произведений различного жанра, а также в кратких отголосках и отрывках, дошедших к нам из сопредельных социокультурных пространств. Информация о первых князьях и их деяниях все это время неизбежно забывалась, дублировалась, фрагментировалась и перегруппировывалась, а главное истолковывалась в различных средах, так что мы исходно имеем дело с событиями далеко не «из первых

Фогель Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права и философии. E-mail: alexandr_fogel@inbox.ru

рук». На основании этого неизбежно встает вопрос о степени информированности самого летописца, его последователей и информаторов. Специфика материала и сама форма его существования создавали проблему верификации известий не только для нас как исследователей, но и для самого летописца.

Эта специфика также во многом определяла и «привязку» летописных событий к конкретным датам – все они до конца XI в. достаточно условны или высчитаны «задним числом» с учетом византийских материалов³. Считается, что первоначальный летописный текст вообще не содержал датировок. Хронологическая сетка летописи создавалась как нечто единое только во второй половине XI в. В каких-то случаях летописцы высчитывали даты довольно точно (поскольку имелись другие свидетельства – собственно, основная методика летописца для ранних дат была примерно такова: автор ПВЛ, встретившись с проблемой датировки событий, искал все возможные «выходы» на «мировые» события и привязывался к ним, используя для проверки авторитетные для него в первую очередь византийские хроники и другие сочинения⁴), в каких-то датировки просто домысливались. Однако поскольку никакой иной систематической хронологии второй половины IX-X вв. в источниках не содержится (можно лишь уточнить или проверить отдельные даты летописи по другим источникам), то эту хронологическую шкалу приходится принимать как данность⁵.

Особенности также обусловлены и фигурой самого летописца – кто бы он не был, но он неизбежно происходил из церковных кругов и это создавало определенную позицию рассмотрения имеющегося исторического материала, но одновременно летопись писалась для светских властей и по их заказу⁶. Собственно, основным заказчиком в конечном итоге выступает все тот же правящий род Рюриковичей. Так что ПВЛ написана как бы на стыке интересов церковных и светских властей и поэтому слу-

жит целям легитимации правящего рода и одновременно утверждению правильности выбранной и успешно распространившейся по Руси христианской модели нравственности.

Основными источниками для летописца – Нестора и его предшественников, становятся древнерусская устная, письменная византийская и библейская традиции⁷. Наибольший интерес для нас представляет как раз устная фольклорная традиция. Исследователи ПВЛ видят в ней влияние родовой киевской (полянской) и древлянской традиции, новгородские сообщения, а также дружинные пласты⁸, причем произведения, послужившие основой для летописи, были, видимо, далеко не всегда прозаическими⁹. Также исследователи отмечают в летописи влияние скандинавской устной традиции – связь и аналогии с сагами и даже со скандинавской поэзией¹⁰. При этом следует учитывать, что летописец из всей устной традиции больше доверял и придерживался не родовой, а дружинной традиции¹¹. Одновременно летописец как книжный человек в целом более доверял письменной традиции чем устной¹². К фольклору как к явному проявлению язычества летописец относился с некоторой опаской¹³ и использовал его достаточно избирательно.

Есть предположения ряда исследователей, что фольклорная традиция исходно была гораздо богаче и разнообразнее¹⁴, а автор ПВЛ в ходе ее написания достаточно жестко отбирал лишь те предания, которые в той или иной степени отвечали его концепции. Здесь, видимо, возможно говорить еще и о том, что самим фактом отбора тех или иных преданий он, для дальнейших поколений книжников, как бы проводил своеобразную «верификацию» фольклора – «правильными» с этого времени становились, чем дальше тем больше, произведения и варианты, отобранные еще тем первым летописцем, хотя исходно мы, видимо, имели картину «равновероятности» и «равноправдивости» всех преданий. За счет «вторичной обработки» информации

и введения ее в круг письменных источников – «олитературирования», именно версии событий, описанные в конкретных фольклорных произведениях, получали «санкцию на существование» и входили в некий «канон» написания летописей на длительное время. Другая же часть сказаний так и уходит, не получив подобного «признания» и «актуализации» в глазах современников и потомков.

Основными своими целями автор ПВЛ как концепции ставил две – вписывание истории Руси в общемировой контекст¹⁵ и единство Руси перед лицом врагов¹⁶. В отношении правящего рода Рюриковичей это означало две очень значимые вещи. Первое, это то, что род Рюриковичей в глазах летописца был единственным легитимным и способным править всем древнерусским пространством¹⁷. Другие роды и династии или не рассматриваются вообще, или же рассматриваются отрывочно и только в связи с конкретными обстоятельствами и в дальнейшем по тексту неизбежно подчиняются Рюриковичам¹⁸, чаще всего силой (случаи Аскольда и Дира, древлянского Мала и Полоцкого Рогволода). И этим создается и подчеркивается ситуация, что правление именно Рюриковичей закономерно до такой степени, что никто реально его не может оспаривать в принципе. То есть сколько-нибудь серьезная альтернатива Рюриковичам фактически не была даже представлена.

В связи с этим противопоставлением Рюриковичей всем остальным даже возможным династиям княжеский род через все произведение проходит как единый – линия наследования идет в основном от отца к сыну, причем этот сын чаще всего оказывается и единственным наследником¹⁹. Боковые ветви или отбрасываются (уже при Игоре Старом, если судить по договорам с греками, род был уже достаточно разветвленным, но у летописца сведений о нем намеренно нет), или не актуализируются (братья Рюрика, умершие в один год и бездетными, Олег, родственник или воевода Игоря, также не оставивший де-

тей). Исследователи объясняют это тем, что ПВЛ исходно писалась как летопись потомков Владимира Святого, христианских князей Руси, и в ней не оказалось места их языческим родственникам из боковых линий²⁰. Одновременно такой подход диктовался и самой необходимостью легитимации. Составитель ПВЛ или же кто-то из его предшественников сам выстраивает генеалогическую цепочку из ряда, вероятно, самостоятельных преданий или песней о нескольких военных предводителях из различных центров Руси (Новгорода и Киева), часть которых, вполне возможно, и не состояла в родстве²¹. Возможно, еще при летописце и существовало осознание, что в летописи речь идет так сказать об «избранных представителях» рода Рюриковичей (или вообще «значимых правителях» без привязки к роду), наиболее важных и значимых для определенного периода, но в дальнейшем род в представлениях потомков так и свелся к этим конкретным представителям без учета всех остальных.

Род как бы намеренно «спрямлялся» в угоду идее легитимности и единства Руси по формуле «одна страна – один правитель». В этой связи интересным является уже вопрос о Рюрике как о родоначальнике – в основном весь род и его история выводится от Игоря Старого, а его связь с Рюриком так или иначе подвергается сомнению у различных исследователей²².

И вторая значимая вещь для всего рода Рюриковичей – это рассмотрение фигуры князя не просто как отдельного человека – руководителя или полководца, но как фигуры идеального правителя и соответственно личность каждого князя уже в силу специфики материала, положенного в основу описания, носила экстраординарный и героический характер. Необходимо постоянно учитывать и тот момент, что ПВЛ написана с христианских позиций и автор выделяет наиболее значимые черты именно христианского князя, хотя и учитывает фольклорные традиции, восходящие еще к языческим временам.

Князь представляется в источнике как воплощение всей страны и всего ее народа, установитель и гарант традиций и веры, устроитель земель и строитель городов, первый и лучший воин, мудрый судья и воплощение закона и порядка в стране²³. Князь воспринимался как божественный правитель, главный жрец, которому только и дано договариваться с высшими силами, и, таким образом, в его власти находились сами устои мира²⁴. Но подобное восприятие фигуры князя кроме всего прочего налагало на каждого конкретного князя огромную ответственность и требовало от него неукоснительного соблюдения определенных гласных и негласных норм и совершения конкретных и символических действий фактически во всех сферах жизни. Несоответствие идеальному образу, особенно в языческие времена, могло стоить князю репутации или даже жизни.

Идеальный образ князя для летописца является результатом компиляции фольклорной и библейской традиции. Наличие этого образа дает летописцу возможность оценивать действия каждого конкретного князя не только на соответствие деяний общему благоденствию страны, но и возможность указать читателям, в числе которых предполагались и будущие князья, как следует или не следует поступать в конкретных значимых для правителей ситуациях. В противовес «неправильным» действиям конкретных князей постоянно приводятся библейские примеры и притчи, они же подчеркивают и «правильные» ходы, и решения. То есть кроме всего прочего для князей-Рюриковичей ПВЛ являлась и своеобразным учебником. И здесь представляется возможным провести аналогию с автобиографическим «Поучением детям» Владимира Мономаха, написанным примерно в это же время.

К языческим князьям летописец в целом относится двояко: с одной стороны, они сами и их древность (есть теории, по которым Рюрик и события, связанные с ним, нужны были летописцу для установ-

ления связей династии с определенными знатными скандинавскими родами и для того, чтобы, насколько это возможно, удлинить общую династическую историю) нужны летописцу в том числе и для традиции, то есть дополнительной легитимации правящего рода, но, с другой стороны, как нераскаившиеся язычники они воспринимались автором не вполне позитивно. Так, монах-летописец повествует о неизменно «недостойной» смерти языческих князей – Олега, который не был вещим, поскольку не мог предвидеть даже собственной смерти, грабящего подданных Игоря, обуянного воинской гордыней и забывшего родину Святослава²⁵.

Для концепции летописца вообще характерен жесткий отбор мотивов и сюжетов, большая степень их упорядоченности, выдвижение на первый план идеи государственного устройства и порядка, которая определяет переработку многих сюжетов, устранение всех мифо-ритуальных и языческих коннотаций, имевшихся в устных сказаниях, стремление «рационализировать» и «историзовать» сюжет, авторская позиция христианина, нередко осуждающего языческие заблуждения своих героев и включающего в свой текст дидактические пассажи²⁶.

В рамках этого «рационализма» летописца стоит рассматривать и «схематизм» описания жизни первых князей Руси. Повествования о первых русских князьях (от Кия до Владимира, а в значительной степени и позднее) фактически представляют собой их жизнеописания от начала княжения до смерти. Рассказ о каждом из князей строится в форме последовательного изложения основных событий его жизни. Однако это сюжетное многообразие «биографических» повествований в конечном итоге оказывается кажущимся: они образованы ограниченным набором структурообразующих мотивов и отличаются в основном их разработкой, т.е. насыщением конкретизирующими мотивами. Вне этого набора остается лишь очень небольшое количество мотивов, таких как «месть» княгини

Ольги. Собственно «биографическая» часть жизнеописания князя распадается на ряд сюжетообразующих мотивов, как правило, непосредственно не связанных между собой (логика повествования не нарушается, даже если какой-либо из мотивов оказался утраченным); и при всех возможных различиях каждая «биография» состоит из повторяющихся структурных элементов. К числу сюжетообразующих мотивов, как представляется, относятся следующие: 1) приход правителя к власти; 2) покорение соседних племен; 3) основание города/городов; 4) установление порядка в подвластном князю обществе (введение даней, установление уроков, поконов); 5) поход в Византию (военный или с иными целями); 6) смерть; 7) погребение²⁷.

Одновременно, и несмотря на этот постоянный «схематизм» описаний, мы можем отметить, что у летописца выделяются «любимые» и «нелюбимые» герои. И это выражается не только в авторской позиции – все они язычники, поэтому полностью положительными не может выступать никто (по крайней мере до крещения), но и в подробностях описания деталей и отборе материала. К числу таких «любимых» персонажей возможно отнести Олега, Ольгу и Владимира Святославича, а к числу «нелюбимых», несомненно, следует отнести князя Игоря Старого. Также каждый из князей языческого периода имеет свою «роль» в рамках повествования – будь то первый князь, устроитель государства, колдун, неудачник, мстительница, мудрая правительница, завоеватель, креститель и т.д., что еще раз дает нам возможность рассматривать ПВЛ как учебник для князей.

Нужно еще отметить, что летописец, в силу большого временного промежутка, своей христианской позиции и «рационализма», и сам далеко не всегда полностью и правильно воспринимает события, отстоящие на два-три столетия от его собственного времени, как это было с истолкованием «местей» Ольги или описанием смерти Олега²⁸.

Все эти особенности в соединении создают единую «призму», через которую и воспринимаются события начала Древнерусского государства, отстоящие зачастую более чем за два или три века от реальности, которую видел, воспринимал и осознавал летописец. Его интересовала далеко не простая констатация свершившихся событий, автор ПВЛ видел свою задачу гораздо более глобально и цельно – вычленив из фольклорного насквозь «языческого» и «дружинного» материала значимые для настоящего (для времени летописца) и будущего модели государственного поведения христианского русского князя. «Призма», созданная им, одновременно позволяет вывести единую и непрерывную историю княжеского рода, возвеличивая его в противовес всем остальным имеющимся родам и династиям, дает «примеры» и «шаблоны» для действий новым поколениям князей, устанавливает христианскую этику как единственно возможную для истинного князя, связывает династию Рюриковичей не только со скандинавскими корнями, но и выводит ее на мировую арену как признанного и уважаемого всеми участника.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Раев М. Об одной из моделей описания власти княгини Ольги в «ПВЛ» // ВЕДС. М., 2007. С. 207.
- ² Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я.Н. Щапова, СПб., издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ». 2003. С. 21-22.
- ³ Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традиции // ДГ 2001 г.: Историческая память и формы ее воплощения. М.: Восточная литература, 2003. С. 59.
- ⁴ Щавелев А.С. Как автор «Повести временных лет» определил дату договора Игоря Рюриковича с византийскими императорами? // ДГВЕ 2016. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. С. 271.
- ⁵ Пчелов Е.В. Рюрик. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 28.
- ⁶ Горский А.А. Этнический состав и формирование этнического самосознания древнерусской

- знати. // Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007. С. 230.
- ⁷ Мельникова Е.А. «Сказания о первых князьях»: принципы репрезентации устной дружинной традиции в летописи // Мир Клио. Т. 1. М., 2007. С. 131.
- ⁸ Мельникова Е.А. Первые русские князья: о принципах реконструкции летописцем ранней истории Руси // ВЕДС. М., 2002. С. 149-150.
- ⁹ Мельникова Е.А. Устная традиция в ПВЛ: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 16.
- ¹⁰ Мельникова Е.А. «Сказания о первых князьях» ... С. 118.
- ¹¹ Мельникова Е.А. Устная традиция в ПВЛ ... С. 155.
- ¹² Мельникова Е.А. «Сказания о первых князьях» ... С. 123.
- ¹³ Петрухин В.Я. О древнерусских стереотипах в культуре: отношение к иноверцам и инородцам // Петрухин В.Я. «Русь и все языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011.
- ¹⁴ Мельникова Е.А. Историческая память ... С. 52.
- ¹⁵ Мельникова Е.А. «Сказания о первых князьях» ... С. 128.
- ¹⁶ Лихачев Д.С. Великое наследие. М.: Современник, 1975. С. 23.
- ¹⁷ Пчелов Е.В. Происхождение древнерусских князей от Рюрика: устная традиция или летописная конструкция? // ДГВЕ, 2011 г.: Устная традиция в письменном тексте. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. С. 430.
- ¹⁸ Сафронов П.А. Русская культура IX-XX вв. Опыт осмысления. СПб., 2005. С. 215.
- ¹⁹ Рукавишников А.В. Проблема «непризнания родства» в раннесредневековых хрониках и ПВЛ // ВЕДС. М., 2002. С. 198-199.
- ²⁰ Рукавишников А.В. Указ. соч. С. 203.
- ²¹ Мельникова Е.А. Историческая память ... С. 57.
- ²² Пчелов Е.В. Династическая история рода Рюриковичей. // ДГВЕ, 2005. М., 2008. С. 6.
- ²³ Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. М., 2007. С. 163-169.
- ²⁴ Петрухин В.Я. Древняя Русь: народ, князья, религия // Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 250.
- ²⁵ Петрухин В.Я. Похороны руса. Погребения знати эпохи викингов в описании Ибн Фадлана и данных археологии // Петрухин В.Я. «Русь и все языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 108.
- ²⁶ Мельникова Е.А. Историческая память ... С. 80-81.
- ²⁷ Мельникова Е.А. Первые русские князья ... С. 143-144.
- ²⁸ Королев А.С. Святослав. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 64.

«TALE OF BYGONE YEARS» AND PAGAN PRINCES OF ANCIENT RUSSIA: SOME FEATURES OF PERCEPTION

© 2021 A.S. Fogel

Samara State University of Economics

The author studies the main features of the depiction of the Rurik dynasty in the first Russian chronicle. The main attention is paid to various aspects of the «Tale of Bygone Years» as the primary historical source of the IX-X centuries, and the viewpoint of its author. The problem of depiction of the Rurik dynasty in the historical source is examined on the basis of modern achievements of Russian science.

Keywords: Ancient Rus, Rurikids, princes, dynasty, «Tale of Bygone Years», statehood, chronicle, folklore, paganism, Christianity, medieval mentality, legitimation.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-1-5-10